

ИДЕАЛЬНЫЕ
СТУДЕНТЫ
СОЗДАЮТ
ПОСЛУШНЫЙ
МИР

ГЛАЗ
ХРАНИТЕЛЯ

НО ИНОГДА
ОДИН БАГ
МЕНЯЕТ
ВСЁ

АНАЛИЗ

ОЦЕНКА

ПОВЕДЕНИЕ

РИСК

ОТЧИСЛЕНИЕ

ЗНАНИЕ
КОНТРОЛЬ
БУДУЩЕЕ

БОЛЬШЕ
ВОВЛЕЧЕННОСТИ
ЛУЧШЕЕ ТЫ

СИНДРОМ ОТЛИЧНИКА ВЕРСИЯ 2.0

Л Е О С А В Е Л Ь Е В

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

«ГЛАЗ ХРАНИТЕЛЯ» ХОЧЕТ ЗНАТЬ, ЧТО ТЫ ДУМАЕШЬ.
ЛЕО ПОКАЖЕТ ЕМУ, КАК ВЫГЛЯДИТ ЛОЖЬ.

18+

Ирина Васильева

«Синдром отличника. Версия 2.0»

«Автор»

2026

Васильева И.

«Синдром отличника. Версия 2.0» / И. Васильева — «Автор»,
2026

Лео Савельев — идеальный винтик системы. Золотой медалист, сын профессора, он привык, что мир работает по формулам: если делать всё правильно, получишь высший балл. Но когда его лучший друг Димка становится жертвой нейросети «Глаз Хранителя», которая отчисляет студентов за «недостаток вовлеченности», Лео понимает: правила больше не работают. Чтобы спасти друга, Лео взламывает саму нейросеть. Но вместо того чтобы просто стереть данные, он делает кое-что страшное — он оставляет бэкдор. Теперь «Око» у него под контролем. Вместе с Алисой — дерзкой журналисткой из подпольного канала «Гонзо» — и Максом, гениальным хакером с темным прошлым, Лео объявляет войну системе. Но чем глубже он погружается в код «Ока», тем яснее понимает страшную правду: «Глаз Хранителя» — это не просто софт. Это идеальный Голем, созданный ректором и силовиками для тотального контроля. А Лео только что отдал ему свое лицо. «Глаз Хранителя» хочет знать, что ты думаешь. Лео покажет ему, как выглядит ложь.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Иллюзия свободы.	5
Глава 1. Белый билет.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ирина Васильева

«Синдром отличника. Версия 2.0»

Часть I. Иллюзия свободы.

Глава 1. Белый билет.

Асфальт перед главным корпусом еще хранил влажные следы ночного дождя, но сентябрьское солнце уже успело высушить проплешины, превратив их в пыльные ловушки. Лео Савельев стоял на верхней ступени гранитной лестницы, крепко сжимая в левой руке ручку новенького кожаного портфеля. Кожа была дорогой, подарок отца на восемнадцатилетие — жёсткая, пахнувшая химией и статусом. В правой руке Лео держал студенческий билет. Твёрдый картон, тиснёный золотом герб университета, его собственная фотография, на которой он выглядит так, будто ему только что зачитали приговор.

Он смотрел на массивные дубовые двери. За ними, согласно буклетам для абитуриентов, глянцевым проспектам и рассказам отца, начинался Храм Науки. Место, где гранит науки грызут не зубами, а лазерной точностью скальпеля. Место, где воздух пропитан озоном от работающих суперкомпьютеров и тихим гулом великих открытий.

Лео глубоко вдохнул, ожидая почувствовать этот самый озон.

Вместо этого в легкие ударил сложный, многослойный букет запахов: приторная сладость синтетического манго от вейпа, кислый дух дешевого растворимого кофе из пластикового стаканчика, сырость подвальной столовки и едва уловимый, но въедливый запах старой пыли, свойственный всем государственным учреждениям с вековой историей.

Он моргнул, пытаясь перезагрузить оптику.

Прямо под его ногами, у подножия статуи Михайло Ломоносова, сидели трое. Ломоносов, отлитый в бронзе, сурово смотрел вдаль, сжимая в руке свиток — символ просвещения. У его каменных ног, прямо на свитке, спал, свернувшись калачиком, рыжий корги в смешном жилете со светоотражающими полосками. Сам Ломоносов был густо залеплен стикерами. «Сдаю матан за дошик», «Ищу вписку на хате у м. Университет», «Напишу курсач, дорого».

Трое студентов — два парня и девушка — сидели на низких перилах, ограждающих памятник. Они не просто курили вейпы. Они проводили какой-то сложный алхимический ритуал. Один, с выбритым виском и кольцом в носу, колдовал над дрипкой, капая на спираль густую, как нефть, жидкость. Второй, в огромных наушниках, из которых до Лео доносился агрессивный, пробивающий басами грудную клетку клауд-рэп, пускал кольца пара, стараясь попасть ими в клюв бронзового орла на гербе. Девушка, одетая в винтажную джинсовку, расписанную акрилом, снимала это на старую пленочную камеру, цокая языком, когда кольца распадались слишком быстро.

— Бро, это не физика, это метафизика, — хрипло сказал парень с кольцом, выпуская облако, пахнущее жженой карамелью. — Ты вектор тяги не рассчитал.

Лео почувствовал, как по позвоночнику пробежал холодок. Это был не священный трепет первокурсника. Это была паника.

Он перевел взгляд на двери. Толпа текла сквозь них непрерывным, хаотичным потоком. Никто не замирал в благоговении. Девушки на высоченных платформах перепрыгивали через лужи, не глядя по сторонам. Парни в мешковатых штанах, подметающих асфальт, пинали пустые алюминиевые банки. Группа студентов в одинаковых толстовках своего факультета —

ярко-оранжевых, кислотных — шла строем, скандируя какую-то кричалку, в которой рифмовались слова «ректор», «куратор» и нецензурный глагол.

Лео разжал пальцы. Кожаный портфель гулко ударился о гранит. Звук получился неожиданно громким, почти неприличным в этой какофонии.

«Ты хотел этого, — сказал внутренний голос. Тот самый голос, который последние двенадцать лет звучал голосом его отца, профессора кафедры теоретической физики. — Ты рвал жилы на олимпиадах. Ты спал по четыре часа в выпускном классе. Ты отказался от PlayStation, от тусовок, от первой влюбленности в десятом ради этой гранитной лестницы. Ты заслужил право стоять здесь».

Лео наклонился, чтобы поднять портфель, и его взгляд упал на собственные руки. Ногти были коротко стрижены, подушечки пальцев на левой руке — на той, что вечно держала ручку — загрубели, образовав твердый мозольный валик. Профессиональная деформация будущего ученого. Его трофей.

Он поднял голову. Храм Науки встретил его ревом сливных бачков из туалета на первом этаже и звоном бьющегося стекла где-то в районе столовой.

Синдром отличника — это не просто желание получать пятерки. Это глубокая, почти религиозная вера в то, что существует Справедливая Система. Что если ты выполняешь алгоритм — учишь, пишешь, сдаешь, не спишь — то на выходе Система обязана выдать тебе максимальный результат. Счастье, уважение, место под солнцем. Формула должна работать.

Лео всю жизнь был идеальным аргументом в этой формуле.

В школе его звали «Савва». Не потому, что красиво, а потому, что он всегда всё сдавал. Савва сдал контрошу. Савва сдал ЕГЭ на сто баллов. Савва сдал документы в лучший вуз страны. Он был функцией, переменной «икс», которая всегда давала предсказуемый «игрек».

Но сейчас, стоя здесь, он впервые осознал страшную вещь: он не знал, что делать, когда формула дает сбой.

К нему подлетела девочка-волонтер в кислотно-зеленой накидке. На ее бейджике было написано «Настя. Куратор первашей». У Насти были горящие глаза и улыбка, которая, казалось, была пришита к лицу суровыми нитками.

— Первокурсник? Факультет? Поток? — протараторила она, не дожидаясь ответа. — О, матфак! Золотой фонд! У вас корпус "Б", левое крыло, там сейчас душно, идите сразу на третий этаж, аудитория триста двенадцать, не перепутайте, там кафедра дискретной математики, Лев Аронович читает, он зверь, если опоздаете на минуту — не пустит, у него фишка такая!

Она говорила, не вдыхая воздух. Лео механически кивнул, запоминая «триста двенадцать» и «Лев Аронович». Его мозг, натренированный на гигабайты информации, работал как идеальный кэш. Он уже построил оптимальный маршрут от этих дверей до триста двенадцатой, учитывая плотность потока и вероятность пробки на лестничном пролете.

— Возьмите методичку! — Настя сунула ему в руки распечатанную на дешевой серой бумаге книжицу. — И бейдж! Обязательно на грудь, у нас вчера перваша из меда чуть трамвай не сбил, он заблудился!

Лео взял липкий бейдж на булавке. «Лео Савельев. 1 курс». Слово «Лео» вместо «Льва» было его единственным актом бунта в старших классах. Родители хотели назвать его в честь деда. Он сократил имя до двух букв, потому что «Лео» звучало как имя разработчика из Кремниевой долины, а «Лев» — как имя дрессировщика в цирке.

Он приколот бейдж к футболке. Металл царапнул кожу.

— Удачи, фонд! — пискнула Настя и растворилась в толпе, подхватив под локоть какого-то потерянного парня с тубусом для чертежей.

Лео остался один. Толпа обтекала его, как река обтекает валун. Он был слишком неподвижен, слишком правильно одет — темные джинсы, чистая футболка, те самые академичные ботинки, которые не боятся грязи, но выглядят так, будто в них нельзя ходить по асфальту.

Он снова посмотрел на вейперов у Ломоносова. Парень в наушниках поймал его взгляд и усмехнулся, обнажив клыки от подтаявшего никотинового леденца.

— Че встал, бать? — крикнул он, перекрывая свой клауд-рэп. — Иди, лоб расшиби об интегралы!

Его друзья заржали. Девушка с пленочной камерой сделала шаг вперед, вскинула фотоаппарат.

— Можно? — крикнула она. — Для стрит-фото. У тебя лицо очень... концептуальное. Как у заложника.

Лео дернулся. Он не хотел быть концептуальным. Он хотел быть своим. Он хотел, чтобы его лицо было лицом будущего нобелевского лауреата, а не заложника, которого ведут на расстрел высшей математикой.

Он резко развернулся и шагнул в полумрак главного холла.

Тяжелая дверь отсекла уличный шум, словно кто-то нажал кнопку «Mute» на пульте управления миром. Звук стал другим. Эхо. Шарк подошв по мрамору. Где-то наверху, под самым куполом, ворковали голуби.

Холл был огромным, давящим. Мраморные колонны, пожелтевшие от времени, поддерживали потолок, который, казалось, вот-вот рухнет под тяжестью академической ответственности. На стенах висели портреты. Ряды золотых рам. Мужчины с окладистыми бородами, женщины с химическими ретортами, старики с безумным взглядом. Все они смотрели на Лео сверху вниз с легким укором. *«Мы открывали законы Вселенной, — говорили их масляные глаза. — А ты забыл дома сменную обувь?»*

Лео пошел вперед, стараясь ступать по вытертым до блеска дорожкам. Его тень, длинная и острая, как нож, скользила впереди.

В кармане завибрировал телефон.

Он достал его. Последняя модель, флагман. Экран ослепительно вспыхнул в полумраке холла.

Сообщение от отца.

«Как прошел первый рубеж? Помни, сын. Вуз — это не школа. Там не будут бегать за тобой с просьбой переписать контрольную. Там ты либо вектор, либо скаляр. Выбор за тобой. Целую. Батя».

Лео почувствовал, как желчь подступает к горлу. Вектор или скаляр. Опять математика. Опять алгоритм. Отец даже не мог написать по-человечески. Он не мог написать «Удачи» или «Я тобой горжусь». Он написал «первый рубеж», превращая жизнь собственного сына в военную кампанию.

Пальцы Лео сами набрали ответ. Он стер его. Набрал снова. Стер.

В итоге он просто сунул телефон в карман, не ответив. Впервые в жизни он не выполнил команду, полученную от системы «Родитель».

Он поднял глаза. Впереди, прямо по курсу, висело огромное, во всю стену, зеркало. Старое, амальгама местами пошла пятнами, искажая реальность.

Лео подошел ближе.

Из зазеркалья на него смотрел высокий, сутулый парень. Плечи подняты к ушам, словно он ждет удара. Портфель в руке кажется неподъемным. Бейдж на груди висит криво — булавка зацепилась за шов. Лицо бледное, под глазами залегли тени, которые не могла скрыть даже идеальная кожа отличника.

Он выглядел не как хозяин этого Храма. Он выглядел как экспонат. Как тот самый первокурсник, которого чуть не сбил трамвай. Заблудившийся, испуганный, пытающийся натянуть на лицо маску уверенности, но лишь подчеркивающий свою уязвимость.

«Ты не вектор, — подумал Лео, глядя себе в глаза. — Ты просто очень дорогой, очень хорошо запрограммированный калькулятор. И сейчас ты нажалешь кнопку "ON". Посмотрим, что ты вычислишь».

Где-то в глубине корпуса ударил колокол. Старый, тяжелый гул поплыл под сводами. Пора. Аудитория триста двенадцать. Лев Аронович. Дискретная математика.

Лео поправил лямку портфеля, перехватил его поудобнее и шагнул в сторону лестничного пролета.

Мраморные ступени уходили вверх, закручиваясь спиралью. Каждая ступенька была стерта посередине миллионами таких же ног. Ног тех, кто тоже стоял перед дверями, тоже боялся, тоже ненавидел своих отцов за их ожидания, но все равно шел наверх.

Лео поставил ногу на первую ступень. Мрамор был холодным даже сквозь толстую подошву.

Он начал подъем.

Первый шаг в Храме Науки оказался шагом в никуда. Иллюзия свободы — свободы выбора, свободы мысли, свободы быть кем-то кроме «сына профессора Савельева» — разбилась о бронзовую спину Ломоносова, залепленную стикерами «Сдаю лабы за еду».

Свободы не было. Была только новая, гораздо более сложная и жестокая тюрьма. И Лео только что добровольно запер за собой дверь, отдав ключ вахтеру в зеленой накидке.

Аудитория триста двенадцать пахла мелом, старостью и чужим, невымытым потом. Это был амфитеатр. Древняя конструкция, рассчитанная на то, чтобы давить на психику. Доска была исчеркана так плотно, что казалась черной дырой. Деревянные парты, прикрученные к полу, были покрыты резьбой нескольких поколений студентов. «Здесь был ВДВ», «Слава КПСС», «Маша + Дима», а поверх всего — глубокие царапины от циркуля и интегралы, выжженные паяльником.

Лео занял место в третьем ряду. Не на «галерке» — там сидели те, кому плевать. Не на первой парте — там сидели подлизы и те, кто боялся пропустить слово. Третий ряд — идеальное место для наблюдения. Золотая середина синдрома отличника.

Постепенно амфитеатр заполнялся. Вокруг него тут же образовалась зона отчуждения. Никто не сел рядом. Лео был слишком чистым, слишком напряженным, слишком *правильным*. От него веяло угрозой. Угрозой того, что он знает ответ, когда преподаватель спросит кого-то другого.

— О, Савва пришел, — раздался сиплый голос сзади. — Щас опять всех спасать будет.

Лео не обернулся. Он знал этот тип. Местные «приколисты», которые тянут лямку на тройки и ненавидят любого, кто напоминает им о собственной лени.

В аудиторию вошел Лев Аронович.

Он не вошел — он материализовался. Маленький, круглый, абсолютно лысый человек в твидовом пиджаке, который, казалось, весил больше, чем сам профессор. Он не поздоровался. Он просто швырнул на кафедру стопку бумаг, которая рассыпалась веером.

— Доброе утро, инфузории, — сказал Лев Аронович голосом, похожим на скрежет пенопласта по стеклу. — Поздравляю. Вы успешно сдали ЕГЭ. Это означает, что вы научились заполнять клеточки. Поздравляю, вы — идеальные графические планшеты.

По аудитории прошел смехок.

— Но клеточки закончились, — Лев Аронович обвел их взглядом, от которого, казалось, должна сворачиваться кровь. — Теперь начинается математика. А математика, в отличие от вашего ЕГЭ, не прощает ошибок. Она их просто не замечает. Она вас стирает.

Он взял мел. Посмотрел на доску. На его лице отразилось глубокое отвращение.

— Гриша! — рявкнул он в сторону задней парты. — Встань.

Встал огромный парень в спортивном костюме.

— Я.

— Что «я»? Ты — функция? Ты — аргумент?

— Я Гриша.

— Ты — пятно на репутации альма-матер. Сотри с доски то, что написали первокурсники прошлого года.

— Лев Аронович, я на пары хожу...

— Ты ходишь в туалет, Гриша. Доска ждет.

Гриша, тяжело вздыхая, поплелся к доске, схватил тряпку, которая была твердая, как камень, и начал елозить. Мел не стирался, только размазывался серыми полосами.

Лев Аронович дождался, пока Гриша закончит, брезгливо взял новый кусок мела и вывел в центре доски огромную, жирную цифру «1».

— Единица, — сказал он. — Самое одинокое число. Оно само по себе. Оно не делится ни на что, кроме себя. Оно — фундамент.

Он обернулся. Его маленькие глазки-буравчики впились в Лео.

— Савельев.

Лео вздрогнул. Сердце пропустило удар.

— Я.

— Встань.

Лео поднялся. Ноги были ватными.

— Ты — единица? — спросил профессор, подходя к краю сцены.

— Я... я надеюсь стать ею, Лев Аронович.

— Надежды оставь для девочек с филфака, которые ждут принца на белой Мазде. В математике есть только "есть" или "нет". Ты — пустое множество. Ноль. Ты пришел из школы. Школа — это инкубатор для идиотов. Там вас кормили с ложечки. Здесь — саванна. Здесь либо вы жрете, либо вас.

Лев Аронович подошел вплотную к парте Лео. Наклонился. Лео почувствовал запах старого табака и дешевого одеколона.

— Твоя фамилия, — прошипел профессор. — Савельев. Я знал твоего отца. Он был единицей. Настоящей. Он умел сомневаться. А ты? Ты просто копируешь его траекторию. Ты — производная. Жалкая, ничтожная производная.

Слово «производная» прозвучало как оскорбление. Как диагноз.

— Я... я хочу понять дискретную математику, — выдавил Лео.

— Понимать мало, — отрезал Лев Аронович, выпрямляясь. — Её надо чувствовать. Как боль. Как похмелье. Как страх вылететь отсюда и пойти работать менеджером по продажам пылесосов твоему соседу Стасу.

Профессор вернулся к доске.

— Гриша, сядь. Твоя миссия по очистке завершена.

Гриша рухнул на место, красный как рак.

— Так вот, единица, — Лев Аронович снова ткнул мелом в цифру на доске. — В дискретном мире единица — это сигнал. Это "да". Это "истина". Всё остальное — "нет". Ложь. Пустота.

Он быстро, не глядя, начал писать формулы. Его рука летала над доской. Это был не почерк, это был кардиограмма безумия.

— Вы думаете, вы люди? Вы — наборы битов. Ноль-один-ноль-один. Система "Глаз Хранителя", которую так любит ваш ректор, она это знает. Она хочет оцифровать вашу душу. Превратить вас в идеальный код.

Лео замер. Он не дышал.

— Но код можно взломать, — Лев Аронович остановился. Мел хрустнул в его пальцах, осыпавшись на твидовый рукав. — Код всегда можно взломать, инфузории. Вопрос лишь в том, кто держит отладчик. Вы? Или тот, кто написал ядро системы?

Он швырнул остаток мела на кафедру. Мел разлетелся в белую пыль.

— Записываем, — буркнул профессор. — Тема лекции: "Булева алгебра и почему ваша жизнь — это ложь".

В аудитории зашуршали тетради. Лео сел, открыл портфель. Его рука сама потянулась к ручке. Пальцы с мозолью легли на пластик.

Он посмотрел на доску. На жирную, одинокую «1».

Лев Аронович ошибался. Лео не был производной. И он не был нулем.

Он был ошибкой в коде. Глитчем. Тем самым неопознанным символом, который система «Око» должна была отфильтровать как мусор, но который мог обрушить весь алгоритм.

Лео открыл чистую страницу. И вывел на ней первую формулу.

За окном, на улице, у памятника Ломоносову, кто-то снова выпустил огромное, плотное кольцо пара. Оно медленно поплыло к бронзовому орлу, пытаясь обнять его крылья.

Свобода пахла жженой карамелью и страхом. И Лео начинал входить во вкус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.